

Н.В. ВОЙЦЕХОВИЧ

ПОЛИСНАЯ РЕЛИГИЯ ПЕРИОДА ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются древнегреческие понятия *theon times* (текстовая форма – «почитание богов»), *pistine theon* («вера в богов»), *eusebeia* («благочестие»), *deisidaimonia* («страх перед богами») и другие, являющиеся составными частями той формы сознания древних греков, которую позднее римляне назвали религией. Исследование позволяет выявить закономерность трактовок религиозных положений на социальном уровне мышления во время войны между полисами и гражданских смут в полисах.

The article deals with ancient Greek notions like worshipping of gods, belief in gods, piety, fear of gods, etc. which are the component parts of the ancient Greek form of conscience later given the name «religion» by the Romans. This enables to find out the regularity of the religious points' treatment on the social level of thinking during the war between city-states and civil unrest in the city-states.

В предлагаемой статье предпринимается попытка охарактеризовать некоторые черты религиозного культа древних греков накануне и во время Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Понятие «полисная» указывает на то, что из истории древнегреческой религии рассматриваются элементы, характерные для данной формы государственного устройства – города-государства – указанного периода. Подчеркнем необходимость исследовать воздействие религиозных представлений на те процессы общественной жизни, которые служили причинами войны и возникли ранее ее начала.

Современного исследователя поджидает опасность модернизации этого сложного вопроса, приписывания представлениям греков того, чего они не знали. Вместе с тем характеристика религиозной традиции и ее обновления требует конкретно-исторического подхода. Сам термин «религия» по отношению к соответствующей форме сознания греков нуждается в пояснении¹. Цицерон дал общее определение: «...религия – это почитание богов» (*religio est cultus deorum* – лат.)², которое покоится на гомеровском словосочетании «почитание богов» (*theon times* – греч.)³ (ср. «хранимый богом» – «*on theon tima*»)⁴. Оно сохранилось в Греции и в V в. до н. э. Но культурный переворот VIII–V вв. до н. э.⁵, отразивший становление полиса, охватил и сферу «почитания богов». Гесиод на рубеже VIII–VII вв. наделил гомеровское представление о «почитании богов» иным содержанием, подчеркнув, что Зевс все хорошо поделил и каждому богу «назначил почести», «удел» (*epefrade timas*)⁶.

Дальнейшее развитие представлений о богах выразилось в появлении более абстрактной формулы по сравнению с гомеровско-гесиодовской. Она содержится в трагедиях Еврипида, который занимал не так часто первые места в театре, как состязавшиеся с ним поэты, но был не менее известен современникам. Корифей из «Ипполита» Еврипида «...клятвами выказал веру в богов немалую» (*horkoys paraschon pistin ou smikran theon*⁷; ср. «вера божеству» – *piston to theion*⁸). Медея призвала в свидетели «веру величайшую и богов» (*pistin megisten kai theoys*)⁹.

Трагики Эсхил и Софокл употребили понятия «быть благочестивым», «благочестие» («*eusebeo*», «*eusebeia*»), которые В.В. Латышев трактует как «...добровольное признание верховенства богов, свойственное людям развитого ума, в то время как в массе народа господствовал грубый страх перед богами (*deisidaimonia*)»¹⁰. В.В. Латышев не заметил, что в этой массе под Сиракузами оказался и стратег Никия, хотя Фукидид характеризует восприятие Никией лунного затмения другим выражением: «...чрезмерно веривший прорицанию» (*agan theiasmo... proskeimenos*)¹¹. Плутарх интерпретировал «чрезмерную веру» Никия в прорицания как «суеверие», или «суеверный страх» (*deisidaimonias*)¹². Отметим, что во время Пелопоннесской войны взгляды на веру в богов, как и общественное мнение в целом, стремительно изменялись. Различие же трактовки *deisidaimonias*, зафиксиро-

рованное и предшественниками Плутарха, позволило М. Нильссону провести четкое разграничение между религией и суеверием. У Ксенофонта, по мнению М. Нильссона, оно употребляется еще в хорошем смысле, когда он хвалит царя Агесилая за его почтение к богам (deisidaimonia)¹³.

Собственность богов – жертвы и дары, которыми люди обязаны были их чествовать, входила в состав понятия «священное» (hiera). Почитающий «hiera» является перед лицом закона человеком нравственным и благочестивым (eusebes), а нарушающий их оказывается виновным в нечестии (asebeia), которое, как утверждает В.В. Латышев, «карается более или менее строго, смотря по степени важности нарушения»¹⁴. М.С. Куторга же, упоминая об обвинении Эсхила в нечестии (asebeia) и оправдании его, говорит, что «...нечестие признавалось самым высшим преступлением, и, будь доказано, влекло неминуемую смерть»¹⁵.

Неоднозначна трактовка понятия «убежище» (asulon). В.В. Латышев называет неприкосновенными все священные места: храм, алтарь, статую божества¹⁶. А.Д. Вейсман переводит слово «to asulon» (hieron) как «убежище-храм», не подтвердив, однако, источниками¹⁷. Фукидид, рассказывая или упоминая о святотатственно отрываемых от алтарей, всегда употребляет слово «bomos» и никогда – «asulon» или какое-либо другое.

Убедительными являются аргументы М.С. Куторги: весь участок (to temenos), на котором размещались храм (naos), жертвенники, кумиры, назывался святыней (to hiero)¹⁸.

Существуют разногласия по поводу сохранения форм культа. По мнению В.В. Латышева, опровергающего противоположный взгляд Фюстель де Куланжа¹⁹, отсутствие прочных традиций и жреческих учений, передаваемых из поколения в поколение, предоставляло каждому возможность «объяснять себе формы культа по собственному разумению»²⁰. Общеизвестно, что «почитание богов» в эпосе Гомера сохранилось в «Теогонии» Гесиода и в его «Трудах и днях», в чем выразилась прочность традиции. Боги не отвергнуты, но представление о них и их функции Гесиод рационально упорядочил, да так, что боги стали покровителями, выразителями зевсовой справедливости членов всей общины, а не только царей и аристократов. О сохранении традиции и ее обновлении свидетельствует появление нового словосочетания у Еврипида «pistin theon», новой трактовки «deisidaimonia».

Традиция почитания и веры в богов сохранилась и в виде введения впервые в олимпийский пантеон Диониса Писистратом. Дж. Фрезер обратил внимание на единственное упоминание о Дионисе Гомером²¹, культ которого, подобно пожару, распространился по всей Греции²². И.М. Тронский показал, что тираны в борьбе с аристократией вводили культ бога земледельцев²³.

В.В. Латышев и Ф.Ф. Велишский находятся под влиянием православно-христианского определения религии: «...религия есть взаимоотношение между Богом и человеком»²⁴. У греков, хотя и было понятие «безымянное божество», тем не менее существовал политеизм. Вывод Дж. Фрезера о невозможности «дать определение религии, которое удовлетворило бы всех», остается актуальным. Дж. Фрезер выделяет два ее элемента: 1) теоретический – веру в существование высших сил, обоснование этой веры, т. е. теологию и 2) религиозный образ действий²⁵. В.В. Латышев и другие исследователи говорят также и о третьем элементе, о «классе людей», который является «органом культа».

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. В.В. Латышев выделяет «класс людей», являющихся «в собственном смысле органами религиозного культа», и обозначает их термином «жрецы» (hierais), что противоречит общепринятому в историографии мнению об отсутствии в Древней Греции духовенства как класса, сословия.

2. Однако М.С. Куторга различает понятия «священник» и «жрец». М.С. Куторга слово «hierais» переводит как священник, служебными людьми

которого были жрец (*thyter*) и глашатаи (*diakonoi*), причем последние избирались из рабов, относительно требований к претендентам на должность жреца сведений не дано. Для определения статуса священника М.С. Куторга использует слово «сан», для рядовых служителей культа – «должность».

3. Ф.Ф. Велишский отмечает обязательное право гражданства для вступления в должность жреца, но не упоминает об условиях занятия должности глашатая, называя такую должность «*kerykes*», «*hierokerykes*».

4. По мнению П. Люперсольского, при храме Аполлона в Дельфах состояли: верховные жрецы (*hosioi*), пророки (*profetai*), другие служители храма (*therapeyontos to hieron*), подчинявшиеся верховным жрецам и пророкам. П. Люперсольский также использует слово «сан» по отношению к жрецам – «*hosioi*». Об отсутствии иерархии он говорит только в отношении «*hosioi*».

5. Н.Б. Клячко ставит знак равенства между терминами «*profetai*» и «*hierois*», называя их жрецами, что противоречит мнению М.С. Куторги, который называет *hierois* «иереем», «священником».

Подводя итог, отметим: во-первых, употребление термина «жрецы» в исследованиях по истории религии Древней Греции является условным, не всегда соответствующим имеющимся сведениям; более справедливым будет употребление термина «служители культа» или подобного ему выражения в качестве общего названия, использование же конкретных терминов требует обоснования. Во-вторых, существующие разногласия среди антиковедов по точному значению (переводу) и функциям *areter*, *hierois*, *hosioter*, *profetai*, *thyter* или *thytes*, *diakonoi*, *mantes*, *hosioi*, *hierokerykes*, *kerykes*, *hierofoi*, *archioinochoos*, *epithymiatores* (этот список, скорее всего, можно было бы продолжить при дополнительном исследовании) не препятствуют заключить, что в Дельфах существовала многочисленная и структурированная религиозная общегреческая организация, а в полисах и при отдельных храмах соответственно – меньшая по численности, но обеспечивающая постоянное функционирование и регулирование той формы общественного сознания, которую греки называли «верой в богов», а римляне и следом за ними европейцы – религией. В-третьих, ставшее хрестоматийным противопоставление в целом выборного жречества классической Греции касте жрецов Востока делается без учета его социальных основ. Теоретический вывод Э.Д. Фролова о том, что община граждан (*polis*) обусловила общинную заданность и функциональную направленность древнегреческой религии²⁶, распространяется и на это сравнение. Кастовость жрецов обусловлена формами эксплуатации населения и монархическим строем восточных деспотий и царств. В Греции же с обострением социально-политических противоречий в полисах выборные жрецы исполняли сходную функцию по созданию религиозно-идеологической защиты существующего строя и удовлетворения религиозных потребностей граждан. Жреческие функции царя Ахилла, главнокомандующего своего войска, который исполнил жертвоприношения на похоронах своего друга Патрокла, перешли к главнокомандующему греческим войском Павсанию, регенту спартанского царя, или выборному афинскому стратегу Никию. Павсаний сам приносил жертвы перед нападением воинов Мардония во время Платейской битвы²⁷. Никий сам приносил жертвы и гадал, когда отложил отступление афинян от Сиракуз из-за лунного затмения²⁸. В специальной литературе рассматриваются икупительные, очистительные, умиловительные, посвятельные жертвоприношения²⁹. Нас же интересуют жертвоприношения общегреческим святыням, которые приносили все эллины, давая клятвы при заключении договоров³⁰, обычные жертвоприношения и молитвы, совершенные тираническим правительством Четырехсот в Афинах³¹, особенно социально-политический смысл этих жертвоприношений, клятв и молитв.

Естественным желанием древних греков было стремление узнать волю богов, что можно было сделать, обращая внимание на различные знамения, посылаемые богами или по собственному желанию, или по просьбе людей, выраженной в молитве. Для ниспослания знамений богам служили преимущественно птицы и атмосферные явления, жертвы, знаменательные встречи, слова и звуки. Особенно распространено было гадание по птицам и жертвоприношениям.

В разных местах эллинского мира было много святилищ, в которых верующим давались прорицания от имени божества данного святилища его жрецами или по крайней мере при их содействии. Такие святилища назывались «manteia», «chresteria», «chresmos».

Наиболее знаменитым и почитаемым во время Пелопоннесской войны был оракул Аполлона в Дельфах. Город Дельфы, упоминаемый уже в гомеровских поэмах под именем Пифона, располагался в Фокиде на южном скате горы Парнас.

П. Люперсольский в своем исследовании «Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции» приходит к верной мысли, что этот храм отнюдь не был местной святыней жителей города Дельф, но что это был такой же общенародный храм всех эллинов, как олимпийский храм Зевса. Он и построен был за счет всех греческих государств, украшен дарами, приносимыми ему от всех эллинов, и владел богатствами, составленными из приношений всех эллинов³².

М.С. Куторга подчеркнул: «Дельфы являются республикой, прорицалищем и местом пифийских игр, или агонов, воспетых Пиндаром»³³.

Особенностью греческой религии были мистерии, тайные культы (от глагола *tyein* – «закрывать рот»). Наибольшей славой пользовались Элевсинские мистерии в честь богинь Деметры и Керы. Ф.Ф. Зелинский подчеркнул: дельфийский Аполлон указывал смертным путь земной жизни, а Деметра учила доверяющих ей, как обеспечить себе «лучшую участь в царстве своей дочери» (в подземном)³⁴. Возвышение Элевсинского культа произошло также не без участия Дельфийского оракула. Ф.Ф. Зелинский отмечает: «...когда афиняне в 420 г. обратились к союзникам и прочим эллинам с приглашением посылать начатки плодов в Элевсин, они настаивали на том, что делают это "согласно обычаям отцов и дельфийскому предсказанию"»³⁵. М. Нильссон упоминает о декрете 418 г. с аналогичным содержанием³⁶. Ю. Белох утверждает, что «...афинское народное собрание около середины V века постановило, чтобы ежегодно часть урожая Аттики и союзных государств приносилась в дар Элевсинскому храму в благодарность за то, что некогда Деметра научила людей земледелию»³⁷.

Постепенно состав служителей культа из местно-элевсинского становится элевсинско-афинским. Из Элевсина происходил род Эвмолпидов: традиционно именно из него назначались главный иерофант и две иерофантисы обеих богинь. Из Афин – род Кериков (т. е. глашатаев), утверждавших свое происхождение от Гермеса и дочери царя Кекропа; им была передана вторая по значимости после иерофанта сакральная должность дадуха, т. е. «светоченосца». Род Ликомидов также был приобщен к элевсинским священнодействиям, но когда и как – точных сведений нет. Относительно рода Кериков М.С. Куторга говорит следующее: «Применимое к рабам, слово "керики" (*kerykes*) означало известного рода наемную службу; обращенное же к гражданам, оно указывало на знаменитый святительский род Кериков в Афинах».

Отдельного исследования заслуживает трактовка разработанной в Афинах религиозной концепции «кощунства против богини» (*to agos tes they*), переданной историком Фукидидом³⁸. Допустивших кощунство Фукидид и другие авторы называют «нечестивцами», или «проклятыми» (*enagei*). Во

время смуты Килона (632 г. до н. э.) архонт Мегакл из знатного рода Алкмеонидов и его сподвижники пообещали умоляющим о пощаде сохранить жизнь, но потом их перебили около алтарей Почтенных богинь³⁹, что стало причиной возникновения родового проклятия Алкмеонидов.

На самом деле существующие в историографии противоположные суждения не должны рассматриваться в отрыве от конкретной внутренней социально-политической и межполисной борьбы. По данным Геродота, Фукидида, Плутарха, «кощунство» (agos) и преследование «нечестивцев» (enagei) имеют двухсотлетнюю историю – от «Килоновой смуты» до вьютупления против Перикла. Если герой трагедии Еврипида «Ион», поставленной после Сицилийской катастрофы афинян, в 412 г. до н. э. (датирование С.И. Радцига)⁴⁰ возмущен тем, что «ныне ж всех – и добрых – и злодеев – осеняет покровом одинаковым алтарь»⁴¹, то это как раз означает призыв соблюдать древнее божье достояние защищать обиженных.

Сделаем вывод о функционировании в Древней Греции периода Пелопонесской войны религиозной системы в виде триады «теология – практический образ действий – религиозная организация». Теология в понимании греков – это элементарная теологически разработанная трактовка понятий «почитание богов», «вера в богов», «воля богов», «кощунство», «благоговейный страх» и противоположное ему по значению «суеверие»; «благочестие» и «нечестие». Религиозные же представления греков реализовались через практический образ действий, т. е. в культовых действиях (молитвах, закланиях, клятвах, жертвоприношениях, гаданиях, празднествах и т. д.): В организацию, в свою очередь, входят служители, жрецы и все те, кто обеспечивает, реализует теологические представления и культовые действия на практике. Указанная триада составляет единое целое, но одновременно каждый ее элемент имеет четкие различия.

¹ См.: Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965. С. 428; Корзун М.С. Древнегреческая религия и религиозно-социальные концепции // Сб. материалов респ. науч.-метод. конф. «Воспитательные возможности современного вуза». Витебск, 2001. С. 230.

² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 866.

³ Homerus. Odyssea. 5, 335.

⁴ Homerus. Ilias. 17, 99.

⁵ Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.

⁶ Hesiodus. Theogonia. 71–74.

⁷ Euripides. Hippolytus. 1037.

⁸ Euripides. Bacchae. 833.

⁹ Euripides. Medea. 22.

¹⁰ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889. С. 7.

¹¹ Thucydides. Hystoriae. VII, 50, 4.

¹² Plutarchus. Nicias. XXIII.

¹³ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 150.

¹⁴ Латышев В.В. Указ. пр. С. 11.

¹⁵ Куторга М.С. Собр. соч. СПб., 1894. Т. 1. С. 377.

¹⁶ Латышев В.В. Указ. пр. С. 32.

¹⁷ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 211.

¹⁸ Куторга М.С. Указ. пр. С. 367.

¹⁹ Цит. по: Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. СПб., 1995. С. 232.

²⁰ Латышев В.В. Указ. пр. С. 11.

²¹ Гомер. Илиада. VI, 132–135.

²² Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С. 263.

²³ Тронский И.М. История античной литературы. М., 1983. С. 68, 89.

²⁴ Полный православный энциклопедический словарь. СПб., 1912.

²⁵ Фрезер Дж. Указ. пр. С. 54.

²⁶ Фролов Э.Д. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма. М., 1976. Вып. 20. С. 120.

²⁷ Геродот. История. IX, 72.

²⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Никий. XXIV.

²⁹ Ханкевич О.И. Религии античности // Западноевропейская культура. Мн., 2001. С. 39.

³⁰ Фукидид. История. V, 18, 3.

³¹ Фукидид. История. VIII, 70, 1.

³² См.: Люперольский П. Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции. СПб., 1869. С. 63.

Гісторыя

- ³³ Куторга М. С. Указ. пр. Т. 1. С. 302.
³⁴ Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 19.
³⁵ Там же. С. 42.
³⁶ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 78.
³⁷ Белох Ю. История Греции. М., 1905. Т. 2. С. 2.
³⁸ Thucydides *Historiae*. I, 126.
³⁹ Фукидид. История. I, 126.
⁴⁰ Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1969. С. 267.
⁴¹ Еврипид. Ион. 1309–1319.

Поступила в редакцию 01.10.2002.

Наталья Владимировна Войцехович – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М.С. Корзун.

М.Я. ФРОЛОВА

ПИРАТСТВО КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РИСКА В ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XII–XV вв.

Рассматриваются проблема средневекового пиратства и методы борьбы с ним в различных регионах Европы.

The article is dedicated to the medieval piracy and the methods of the struggle with this problem in the different regions of Europe.

Мореплавание всегда играло значительную, подчас определяющую роль в жизни общества, особенно в средние века, поскольку морские пути были теми единственными нитями, которые связывали различные страны и регионы. Отметим, что экономическая сфера деятельности многих государств издавна была тесно связана с морскими путешествиями, а сами торговые экспедиции постоянно сопровождалась риском пиратских нападений.

В интересующем нас аспекте как систематическое нарушение торгового судоходства, осуществляемое европейскими государствами, пиратство возникает не ранее XII в. и достигает своего апогея к XV в., когда совокупность экономических и административных факторов сделала возможным установление постоянного сообщения с весьма отдаленными регионами, главным образом государствами Востока¹. В течение XII–XV вв. формируются средиземноморский, центральноевропейский и северный рынки, средневековая система международной торговли приобрела четкий ритм работы, что во многом зависело от правильной организации морских грузоперевозок.

По мере расширения морской торговли пиратство набирало размах, процветая в тех регионах, где не было определенного разграничения на сферы влияния, а также на оживленных торговых путях. По традиции, берущей свое начало со времен античности, одним из регионов пиратской активности оставалось Средиземноморье.

В период господства итальянских городов-республик (Венеция, Генуя и др.) их правительства разграничивали пиратство и корсарство, чего не было при византийских властях. Корсар (капер) отличался от обычного пирата тем, что имел специальное разрешение на занятие пиратской деятельностью, которое выдавалось правительством. Обладатель этой лицензии должен был вести морскую войну с врагами своего государства и захватывать их суда. Он обязывался, кроме того, передавать в пользу государства часть добычи. В условиях непрекращающихся военных конфликтов трудно было провести границу между законными и незаконными действиями владельцев и капитанов кораблей, что и порождало так называемое нелегальное корсарство. Венеция была вынуждена посылать полицейские флотилии в Адриатику и другие регионы для установления контроля над ситуацией².

До XIV в. систематическим нападениям подвергались торговые суда в Черном море. И. Шильтбергер пишет: «...на третий день показались три галеры турецких пиратов, которые гнались за нами три дня и две ночи, но догнать нас не смогли. Так что мы благополучно прибыли в город Амастрис.

